

МОСКОВСКИЙ БОЯРИЧ, ЛИТОВСКИЙ СТАРОСТА, КОРОЛЕВСКИЙ СЛУГА: европейская карьера В.С. Заболоцкого

Выходцы из Московской Руси в Центральной Европе XVI в. были многочисленной группой, которая не составляла особого этноса, не опиралась на диаспору и несопоставима по своим культурным очертаниям с Русским зарубежьем XX в. Тем не менее среди «москвитов», «москалей» были неординарные мыслители, карьеристы, о жизни которых мы можем судить по массе источников европейского происхождения. В данной статье рассматривается служебный путь, землевладение, придворный статус одного из первых эмигрантов Российского царства при дворе польско-литовских и венгерских монархов – Владимира Семеновича Заболоцкого, потомка смоленских князей (его дед и отец достигли думных чинов в Москве)¹. Сам Владимир Заболоцкий успешно начал карьеру, был записан в Тысячной книге сыном боярским III статьи по Ржеву, а в Дворовой тетради – дворовым сыном боярским по Переславлю первым в списке².

О мотивах побега Владимира Семеновича в Литву нет определенных данных. Иван IV в послании Курбскому не упоминал Заболоцкого в числе своих «изменников». В ящике 215 царского архива хранилось следственное дело: «Списки сыску про Володимиров побег Заболотцкого в Литву»³. Иван Грозный признавал, что «Володимер Заболотцкой, розбранись с своею братею, да бежал, а не от наши опалы»⁴. Братом Владимира был Алексей–Азей, сестра Авдотья вышла замуж за кн. В.И. Телятевского. Двоюродный брат Данило служил Владимиру Андреевичу Старицкому, как и некоторые другие родичи В.С. Заболоцкого⁵. Что могло послужить причиной конфликта между ними неясно.

С.Б. Веселовский отмечал, что в родословцах упоминаются 2 перебежчика из рода Заболоцких – Владимир Семенович и Иван Иванович Микулин-Ярый, чья племянница Марья Андреевна была замужем за видным опричником Григорием Ловчиковым. Время выезда Заболоцких из России исследователю установить не удалось. Видимо, после побега В.С. Заболоцкого произошла расправа над его братьями и родственниками, позднее занесенными в царский синодик – Игнатием, Богданом и Федором⁶. Н.Д. Иванищев считал, что Заболоцкий «бежал из Московского государства в одно время с князем Курбским»⁷. Однако первый же акт из луцкой гродской книги упоминает Заболоцкого как владельца королевского имения уже 10 октября 1563 г., тогда как кн. А.М. Курбский бежал в Литву 30 апреля 1564 г. Р.Г. Скрынников относил побег Заболоцкого к началу 1560-х гг.⁸ А.А. Зимин отметил, что в Дворовой тетради, составленной до 1561 г., о Заболоцком сказано: «Володимер в Литве»⁹. Интерпретация этой заметки в работах Зимина менялась, однако и дата «после 1557 г.»¹⁰, и аргументы о родстве Заболоцких со Старицкими и Адашевыми, относящие эмиграцию Владимира к периоду 1560–1563 гг.¹¹, не учитывали польско-литовских источников, к середине XX в. отчасти опубликованных.

До 1561 г. перемирие между Россией и Польско-Литовским государством позволяло московским воинам выезжать на временную службу к Сигизмунду II Августу и его союзникам. Согласно запискам Ф.М. Евлашевского, после смерти Владимира Семеновича Стефан Баторий написал ему эпитафию, в которой были такие слова: «Кто был Влодымир, яко лят двадцат чтыри ставил на дворах кроля венгерского и полского»¹². В сохранившейся до наших дней эпитафии короля Стефана в рукописи библиотеки Чарторыйских нет слов о 24-летней службе Заболоцкого, однако нельзя исключать, что

* Ерусалимский Константин Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета.

известная ныне эпитафия не была окончательным текстом¹³. Отсчитывая 24 года от дня его гибели, 24 апреля 1580 г., делаем вывод о том, что бегство Заболоцкого состоялось в 1555–1556 гг. Эти ориентиры находят подтверждение в актах Слонимского городского суда.

Самым ранним земельным пожалованием Сигизмунда II Августа Заболоцкому было имение Деревная в Слонимском повете, ранее принадлежавшее Матею Охмистровичу и его жене Катерине. Пожалование можно датировать апрелем – началом мая 1556 г. В октябре 1556 г. местные господарские бояре обвинили нового урядника Ивана Грешного в нападении на их владения, оскорблениях, угрозах, побоях и захвате «гридни». Из жалобы также явствует, что Заболоцкий забрал у бояр часть их земли и посадил на нее своих подданных¹⁴. Пожалования Сигизмунда II Августа В.С. Заболоцкому в 1560-х гг. упоминают его венгерскую службу, женитьбу на венгерке и переход в польско-литовское подданство¹⁵. Выбор между Венгрией и Литвой не стоял остро. Можно было принять подданство Сигизмунда II, при этом в мирные для Польши и Литвы годы служить Яну II Заполяи. В Венгрию московский эмигрант попал с согласия «покойного Тарло», установившего численность его конного отряда и оплату¹⁶. Женился Заболоцкий на представительнице знатного венгерского рода, которую польско-литовские акты именуют Аленой Череповичовной. Никакой другой информации об их семейной жизни в моем распоряжении нет. Алена умерла раньше своего мужа.

Заболоцкий неоднократно возвращался к Сигизмунду II Августу до начала войны против России. Готовясь к широкомасштабной войне с Россией, в мае 1563 г. Сигизмунд II обратился к венгерскому королю с просьбой отправить Заболоцкого в Ливонию, обещая отпустить его к венгерскому двору по завершении войны¹⁷. Сам Заболоцкий также просил короля об этом. В начале февраля 1563 г. Заболоцкий получил из королевской казны 15 локтей дамасковой ткани на 22 злотых, один лундыш, а также 50 злотых за проезд «к его величеству»¹⁸.

Выехав из Русского государства на королевскую службу, Заболоцкий объявил, что оставил крупные земельные владения в Московском государстве. В первой половине 1556 г. ему перешло слонимское господарское имение Деревная. В 1565 г. король пожаловал «вечные» Заболоцкому «двор свои замьку Слонимьского, названыи Деревную»¹⁹. В сентябре 1561 г. он получил кременецкий двор и лес Лепесовку²⁰. Получение Лепесовки, входившей во владения королевы Боны Сфорца, а позднее Ляховичей, где держали земли слуги королевы Барбары Радзивилл, могло быть вызвано службой Владимира Семеновича матери Сигизмунда II королеве Боне. В год его появления в Польско-Литовском государстве Бона собиралась отправиться в Милан, чтобы уладить свои финансовые проблемы. Одновременно собиралась выехать в Венгрию сестра Сигизмунда II королева Изабелла. Надо полагать, юный московский боярин В.С. Заболоцкий пришелся к этим сборам, был награжден за выезд всеильной королевой-матерью и отправился в Венгрию в охране королевы Изабеллы.

В привилее от 10 августа 1565 г. Заболоцкий назван лишь дворянином короля и держателем Лепесовки. 30 сентября 1566 г. в Ляховичах открылась осенняя судебная сессия Новогрудского повета, и к тому времени старостой ляховицким уже был Заболоцкий²¹. Замок Ляховичи много лет назад был передан Сигизмундом II в вено королеве Барбаре Радзивилл²². Уже во время войны с Россией Сигизмунд II предоставил замок в управление И.А. Солтану за долг в 3 тыс. коп крошей. Назначая старостой Заболоцкого, король компенсировал долг Солтану. Обмен держаниями состоялся незадолго до 1 июля 1566 г.²³

В.С. Заболоцкий и его жена вступили во владение замком как держатели до «живота» с правом на 6 тыс. коп грошей. Размер Ляховицкого владения описан в реестре налоговых сборов, хранящемся ныне в составе обширного конволюта налоговых реестров Речи Посполитой за 1563–1596 (или 1592) гг. в ф. 1 Киевского исторического архива. Общая площадь этих владений впечатляет – 363 блоков, 1 морг, 18 прутов²⁴. Таким образом, на середину 1560-х гг. Заболоцкий – держатель Лепесовки в Кременецкой земле и королевского имения Деревни (Деревная) в старостве Слонимском, ста-

роста Ляховичей и, по заключенному на рубеже 1567–1568 гг. договору с Олбрахтом Ласким и в обмен на подольские имения, держатель Глущка.

Осень 1563 г. Владимир провел в Лепесовке. Здесь он втянулся в вооруженный конфликт с семьей епископа Владимирского и Берестейского. Сторона епископа обвиняла в нападении московитов и настаивала, что между противниками ранее не было «никгды никоторого заишьтья и причины». Из обвинений в его адрес можно понять, что сам он обвинял епископа и его слуг в том, что они в нетрезвом виде совершили нападение на московитов²⁵. На суде страшный образ нарисован стороной епископа. Московиты напали на мирных людей, совершили убийство, добились своего раненого, ограбили епископа и его слуг, захватили заложника, вымучивали из него показания древесным угаром.

Заболоцкий был принят при дворе кн. К.К. Острожского, заинтересованного в противостоянии с Борзобогатыми, слугами О. Лаского и Б. Острожской²⁶. Владимир направил к Острожскому Степана Борзобогатого, рассчитывая на протекцию киевского воеводы. Вскоре он поехал к воеводе, встречался у Острожского со Степаном, получил от него опровержение его показаний, дважды говорил с князем²⁷. Исход дела неизвестен. Можно предположить, что протекция Острожского была для Заболоцкого и его слуг достаточной защитой. Вялый конфликт московита с Борзобогатыми продолжился пограничными стычками.

В апреле 1564 г. Владимир Заболоцкий указан в числе московитов, которые получили награду из королевской казны. Его вознаграждение в несколько раз больше, чем самых знатных из прочих пожалованных московитов²⁸. Вернувшись к Сигизмунду Августу от Яна Заполяи, Заболоцкий втянулся в военные сборы на Московском фронте. На рубеже 1565–1566 гг. он вновь уехал в Венгрию и по этой причине не присутствовал на Виленском сейме ноября 1565 г. – марта 1566 г., на котором рассматривался иск против него Г. Шумбарской. После его возвращения король возобновил процесс и снял с московита все обвинения²⁹. Конец лета и осень 1567 г. Заболоцкий во главе 200 солдат провел на Московском фронте в приграничных боях. О трудностях военных сборов свидетельствуют жалобы новгородских шляхтичей и суды, им предшествовавшие. Староста попытался урезонить шляхту и получил на это одобрение короля, но шляхтичи отказывались и «судитися» у старосты, и «на воину пры нем ездити»³⁰. Отношения Заболоцкого с новгородско-ляховицкой шляхтой накалились. В июле–августе 1567 г. ему пришлось перед судом доказывать, что он не причиняет местной шляхте зла и не проводит конфискаций. Шляхтич И.И. Бородич, служивший в роте Заболоцкого, в ответ на требование об уплате жалованья был дважды посажен в тюрьму³¹.

11 июля 1567 г. гетман наивысший Великого княжества Литовского Г.А. Ходкевич обратился к гетману дворному кн. Р.Ф. Сангушко с призывом идти на помощь кн. К.И. Вишневецкому к Чашникам, где ожидалось нашествие московитов. Ходкевич отправил на помощь Сангушко несколько рот и послал письмо В. Заболоцкому с приказанием сделать то же самое³². Переброска войск прошла незаметно, и 28 июля Сангушко извещал короля о победе у урочища³³. Согласно реляции, осенью 1567 г. «Влодими́р москвитин» захватил в районе Суши московского воеводу³⁴. В акте от августа 1576 г. упоминается, что еще до его отъезда за границу Владимир Семенович «взяни з войска неприятельского брал»³⁵. О других успехах Заболоцкого неизвестно, и можно отнести этот рассказ к лету–осени 1567 г.

На начало ноября 1567 г. В.С. Заболоцкий находился при короле в Лебедеве. Королевские судные книги содержат его ответ на обвинения в захвате собственности Я.М. Мазурко. Владимир обязуется на ближайший день св. Мартина, 11 ноября, отдать имение со всем, что в нем было на момент смерти Я.М. Мазурко³⁶. В декабре Заболоцкий был внесен в реестр ротмистров, которые должны были получить жалованье на следующий год. Ему причиталось по 800 коп грошей из земских налогов Новгородского и Ошмянского поветов³⁷. В Лепесовке, как и в Деревной, людям Заболоцкого в это время приходится конкурировать с подданными и слугами могущественных магнатов. В Слонимском повете это Радзивиллы, Воловичи, Сангушко, в Кременецком

Збаражские, Острожские, Лаские³⁸. Видимо, в конце 1567 или в первые дни 1568 г. Заболоцкий вступил в соглашение с О. Ласким и в рамках договора по Глуцку передал ему свои права на Лепесовку. Королевский привилей подтвердил власть нового держателя³⁹. Однако, приехав на королевский двор в Кнышин, Заболоцкий был уже настроен против сирадского воеводы и убедил короля, что Лепесовка передана Ласкому не по праву. Сигизмунд II Август отменил свой недавний привилей и обратился к Ласкому и его наместникам с требованием вернуть Лепесовку Заболоцкому⁴⁰. В 1568 г. тянулось судебное дело между В.С. Заболоцким и кн. Л.А. Сангушко-Кошерским, в котором Владимир обвинял своего противника «о зельжене и шкоды», а князь его – «о поранене слуг своих и о заступлене ему дороги». Стороны никак не приходили к соглашению, а король откладывал окончательное рассмотрение, так как был занят подготовкой Люблинского сейма⁴¹.

Сейм 1569 г. стал переломной вехой в истории Польско-Литовской державы. В ходе Люблинского сейма 20 февраля 1569 г. были рассмотрены жалобы шляхты, требовавшей лишить московитов их обширных владений. Курбский был обвинен в том, что нарушал «право и Статут», владея Ковельским и Кревским замками, Заболоцкий – в якобы чинимых им «великих кривдах и стиснениях» и в том, что бесправно владел державой Ляховицкой. Король не признал обвинений⁴², тем не менее ему пришлось пойти на уступки, причем, судя по завершению дела, эти уступки, ценой в том числе и имущества московитов, компенсировали литовским магнатам их утраты, понесенные из-за сопротивления королю и инкорпорации русских земель. Король утратил право раздавать «bona regalia» на вечном праве.

После завершения сейма Курбскому пришлось расстаться со старостством Кревским и ограничиться урядом державцы ковельского, а Заболоцкий сохранил «вечное» право на Дервную⁴³, но попал в число должников за Ляховичи, оставаясь в этом списке до самой утраты староства в пользу Яна Ходкевича⁴⁴. О выплатах Заболоцкого с новогрудских королевских имений за 1567 г. Ходкевича осведомили в королевской канцелярии 7 октября 1571 г.⁴⁵ Выплаты с Ляхович продолжались до декабря 1569 г.⁴⁶ Вскоре, однако же, король поддержал требования шляхты и стоящих за ней магнатов, лишил Заболоцкого замка и передал его старосте жмудскому Я.И. Ходкевичу в обмен на Свислочьское имение и пуцу Обчовскую в Волковыйском повете, которые *de jure* Сигизмунд II взял «к рукам своим»⁴⁷.

В сентябре 1569 г. Заболоцкий во главе отряда своих слуг напал на имения кн. Ю.Ю. Слуцкого. Ущерб оказался весьма значительным: были убитые и раненые среди бояр Слуцкого, московиты обвинялись в грабежах и бесчинствах. Князь выступил с иском против Заболоцкого в слонимском городском суде. Однако по королевскому «листу» московит должен был судиться только на королевских судах и получил освобождение от повесток из нижестоящих инстанций. В это же время готовились осенние военные сборы, на которые Заболоцкий должен был выставить 200 всадников. Король освободил его на время сборов от всех судов по иску Слуцкого⁴⁸.

По сообщению агента императора Максимилиана II аббата Цира, в октябре 1569 и январе 1570 г. «Владимир князь Московский» («Wladimirus dux Moscovita») предлагал императору поддержку против османского ставленника Яна Сигизмунда Заполяя в Трансильвании⁴⁹. За деятельностью Заболоцкого непрерывно следил и Иван IV. Русские послы отчитывались в статейном списке 1571 г. о Заболоцком, в подробностях освещая 2 события – войну за Глуцк с Ласким и выезд изменника из Речи Посполитой в Трансильванию. Причиной его войны с воеводой сирадским послы называют взаимные имущественные претензии. Король даровал Заболоцкому в Подолье имение в 600 дымов. Послы имели в виду кременецкое имение Лепесовку. Заболоцкий вступил в вассальные отношения с Ласким и выменял у него за свое имение Глуцк, городок в 18 милях от Менска. При этом «на всякие службы» он должен был выступать с Ласким во главе 50 конников. Далее с доступной для дипломатов полнотой они рассказали царю о войне между В. Заболоцким и О. Ласким за Глуцк⁵⁰.

События, изложенные московскими послами, охватывают период от военных сборов короля в конце 1567 г. до конца 1570 г. В октябре 1569 г. Заболоцкий предлагал имперскому посланнику посредничество в вовлечении Яна Заполя в антиосманскую лигу, вероятно, уже имея намерение отправиться на службу в Трансильванию. Однако его удерживали счеты с О. Ласким. Конфликт за Глуцк король попытался остановить силой в ноябре–декабре 1570 г. Обстоятельства обмена между Ласким и Заболоцким не вполне ясны. Согласно «листу» Стефана Батория от 17 мая 1576 г., воевода сирадский «упросил у его кролевское милости именье, в земли Волинской лежачее, названное Лепесовку, перво вжо тому дворянину нашему Володимеру Заболоцкому за службы его з ласки его милости господарское даное, на што и данину привилеи короля его милости маеть»⁵¹. Сигизмунд II Август отозвался на просьбу Лаского. Трудно сказать, действительно ли это решение было принято без предварительного договора Лаского с Заболоцким: в правление Стефана Батория Владимир был заинтересован представить захват его волинского имения как результат сделки, подготовленной без его согласия. Согласно статейному списку царских послов, москвит разочаровался в обмене не сразу. Янушпольский урядник Лаского Петр Горецкий заявлял, что он «водле [л]исту а данины» короля вступил во владение Лепесовкой. В конце апреля его встретил в имении Заболоцкого урядник последнего Федор, которому Горецкий дал 3 дня на сборы⁵². Судя по всему, никакого сопротивления Ласкому Заболоцкий тогда не оказывал.

Благосостояние старосты-москвиты ухудшилось, и он решился на конфликт с королем. Постановление суда Генриха Валуа по Ляховичам от 3 апреля 1574 г. содержит слова Заболоцкого о том, что король отнял у него староство «з нарушеньем права его и малъжонки его доживотного». В ответ на это Лаский, не покидая арендованного имения, попытался выдать противника из Глуцка. Как можно судить по рассказу послов, под предлогом торжественного пира на посаде сторонники воеводы сирадского выманили из города урядника, поставленного Заболоцким, а в это время город был тайно занят урядником Лаского, который запер ворота и расставил своих людей на боевые позиции. В ответ Заболоцкий осадил и сжег город. Лаский не смирился с поражением и выбил москвитов из своего имения.

Состоялся ли очный суд между В. Заболоцким и О. Ласким? Можно предположить, что слова московских послов о королевской «опале» говорят о том, что королевский суд приговорил Заболоцкого к «баниции» – под страхом смерти тот должен был покинуть территорию Великого княжества Литовского. Литовская метрика усложняет картину событий вокруг Глуцка в 1569–1570 гг. В 1565–1566 гг. О. Лаский отдал свои Глуцк, Гольшаны и Пашкишки в «заставу» за 3 800 коп грошей. В 1565–1568 гг. в казну с этих имений налоги не поступали⁵³. Из суммы налога Лаский собирался заплатить долг ротмистру кн. Ярошу Жижемскому (3 тыс. коп грошей – цена Глуцка) и литовскому подканцлеру О.Б. Воловичу (800 коп грошей – цена Гольшан и Пашкишек). Лаский передал имения Жижемскому в 1570 г. на 3 года с обязательством по истечении этого срока выплатить ему всю сумму долга в обмен на заложенные имения. Пашкишки были отданы им в держание служебнику Якубу Кресимскому и в аренду служебнику М.Ю. Радзивилла С. Горецкому.

Получив от воеводы сирадского запись на его волинские и литовские владения, Жижемский так и не смог занять их, поскольку они были заняты В. Заболоцким и С. Тарновским. Между тем Сигизмунд II Август, проведя расследование, передал Глуцк королевскому секретарю Валентину Иберфельту. Это не привело к выезду из замка Заболоцкого, хотя он передал Иберфельту хозяйство и подробное описание имения⁵⁴. Внешне подчинившись королю, Владимир Семенович продолжал контролировать замок своего противника⁵⁵. Королевский поверенный (инстигатор) поддержал судебное дело О. Лаского против Заболоцкого. Суд должен был состояться 7 ноября 1570 г. Заболоцкий приехал сам, а истец на суд не явился. Король отложил слушания на день Петра и Павла следующего года, но к тому времени Владимир Семенович отбыл в Венгрию⁵⁶. Произошло это не ранее января 1570 г. и не позднее начала 1571 г. (вероятнее всего, в ноябре–декабре 1570 г.)⁵⁷. Получив от Сигизмунда II приглашение

вернуться, Заболоцкий вынудил короля обратиться к нему с «заветными листами». В Короне он объявил, что приехал по первому зову, так что, по официальной версии, предупредительные письма не застали его на месте именно потому, что он уже был на пути к королю. Из слов московского статейного списка 1571 г. может следовать, что Сигизмунд Август отказался менять расстановку сил в конфликте Заболоцкого с Ласким: «А ныне Володимер в Угрех, а толко ему вперед быти в Литовской земле, и ему от Лаского быти убитому. А паны радные все и всею землею его не любят, а зовут его лотром же, и злодеем, и дву господарей изменником»⁵⁸. Причина перемены в отношении короля к своему слуге лежит, вероятно, в решениях Люблинского сейма, которые прямо коснулись материальных интересов В.С. Заболоцкого. Я.И. Ходкевич после сейма должен был отдать королю свои волковыйские имения за староство Ляховичи, а также жмудские имения. Ходкевич занял Ляховичи, но не спешил освобождать Свислочь и не намеревался расплачиваться с Заболоцким по королевским долгам.

После смерти Сигизмунда II Августа Заболоцкий еще какое-то время провел за пределами Речи Посполитой. В корреспонденции Я. Ходкевича из Архива Радзивиллов обнаруживается письмо, написанное самим Ходкевичем, под датой «1573 г.». Ходкевич предупреждает воеводу виленского об опасности, которая может грозить во время выборов. Шурин старосты жмудского кн. М. Чарторийский назвал ему заговорщиков, которые могут быть наиболее опасны, поскольку уже сплели заговор и готовы к выступлению. Первым назван в их числе Андрей Курбский, который, согласно письму, ведет переговоры с Радзивиллом только для прикрытия. Кн. Ю. Слуцкий подозревается в стремлении занять трон, кн. К. Вишневецкий старается избежать встречи с Радзивиллом, поскольку также включен в заговор, и более того, уже «послал за Владимиром, которого они хотят использовать как один из инструментов своей измены»⁵⁹. Все подозреваемые в заговоре составляют элиту православной шляхты русских земель. Сведения Я. Ходкевича, а также слухи об измене православной элиты и попытке старосты гродненского А. Ходкевича вступить в контакт с русскими магнатами позволяют выдвинуть гипотезу, что часть элиты Волыни, Киевщины и Великого княжества Литовского, пытаясь дискредитировать габсбургскую и московскую кандидатуры и одновременно сторонников Ходкевичей и Радзивиллов, выдвигала князя Слуцкого в первые ряды в борьбе за власть и за исход выборов. Из московитов, как можно думать, основываясь на письме Ходкевича, по крайней мере, Курбский и Заболоцкий поддерживали Слуцких и Острожских⁶⁰.

Первое межкоролье В.С. Заболоцкий провел вне Речи Посполитой⁶¹. М. Стрыйковский вывел Заболоцкого на сцену в своей поэме на въезд и коронацию Генриха Валуа в Краков 18 и 21 февраля 1574 г., причем из поэтических или каких-то еще соображений он назван перед Курбским и только по имени, как иногда делали в русском посольском ведомстве и в актах Великого княжества Литовского⁶². Надо полагать, Заболоцкий действительно был на коронационных церемониях, по крайней мере вскоре после них на коронационном сейме он подал жалобу о том, что ему и его жене не были компенсированы 6 тыс. коп грошей за «вси фольварки и волость Ляховицкую»⁶³. Согласно Ф. Евлашевскому, хорошо осведомленному в делах Ляховицкого замка, окончательное решение было принято королем на его последнем сейме 12 июня 1572 г.⁶⁴ Два королевских привилея от 10 апреля 1572 г. подтверждают эту датировку. Экс-староста покинул Ляховичи «спокойно», однако за внешней покорностью таился протест: из причитавшихся ему 6 тыс. коп грошей В.С. Заболоцкий собрал за весь срок владения королевским имением чуть более 2400.

Выборы короля принесли Заболоцкому шанс на возвращение староства или части денег. Делу был дан ход, как только к власти в Речи Посполитой пришел Генрих Валуа. Декрет его суда от 3 апреля 1574 г. сохранился до наших дней на пергамене, заверенном подписью и вислой печатью короля, а также в 57-й книге Литовской метрики. Постановление суда в Кракове было благоприятно для московита. Владимир освобожден от каких-либо долгов и претензий по Ляховичам, а на сенатора было наложено обязательство выплатить бывшему старосте недособранную им огромную сумму⁶⁵.

Приход Стефана Батория на трон Речи Посполитой открывал его слуге и соратнику яркие перспективы. Владимир Семенович начал решительно отвоевывать свои права и мстить обидчикам. Сохранился автограф письма Заболоцкого к Я.И. Ходкевичу, написанного, вероятно, 5 мая 1576 г.⁶⁶ Он извещает каштеляна виленского о решении короля провести ревизию московских границ. Обвинение в измене звучит здесь от самого Заболоцкого в адрес кого-то из окружения Ходкевича. Можно предположить, что этим окружением была литовская рада, а жесткая риторика подавала знак, что король недоволен позицией литвинов и готов пойти на репрессии. И это был выразительный жест короля: письмо Ходкевичу с объявлением королевской воли было отправлено от имени москвиты, имевшего личные счеты с Ходкевичем⁶⁷.

Через 2 недели король подписал в Кракове постановление по Лепесовке. Ласкому было предъявлено обвинение в несоблюдении предписаний Сигизмунда II Августа. De facto это означало, что аннулировался договор В. Заболоцкого с О. Ласким; привилей Сигизмунда II Августа Ласкому на Лепесовку от 20 января 1568 г. переставал действовать. Стефан Баторий в своем «листе» 17 мая 1576 г. призывал сирадского воеводу освободить это имение, однако проигравшая сторона подчинилась королевскому постановлению лишь в августе⁶⁸. Тогда же, когда велась борьба за Лепесовку, Заболоцкий вернул себе Радошовку. Ее держатель С. Крушинский был служебником воеводы сирадского. Перед смертью Крушинский высказал обеспокоенность тянувшимся судом с Заболоцким, а уже в последние часы жизни вспоминал о денежном долге Лаского, выплаты которого шляхтич так и не дождался⁶⁹. Об издержках восстановления прав Заболоцкого в июле–августе 1576 г. говорят жалобы Крушинских в кременецкий уряд о насилиях, чинимых Заболоцким при вступлении в Радошовку. Суд, не отступая от повеления Стефана Батория, приговорил Крушинского через 5 недель покинуть имение. Тот заявил в ответ, что имения не отдает, но и воле короля не перечит⁷⁰. Коморник короля проследил выполнение приговора и вместе с Заболоцким неумолимо выдворил из имения жену С. Крушинского Ганну⁷¹. Однако в те же августовские дни Заболоцкий пересмотрел свои отношения с конкурентами, вступил в сделку с Крушинским и записал имение жене последнего, оставаясь формально его владельцем⁷².

В первые же дни польского правления Батория за свои подвиги в Семиградье и на войнах против России Заболоцкий получил «державу Бирьштаньскую», принимая ее от престарелого войскового маршалка троцкого А. Владычки⁷³. А на следующий день из рук короля он получил московскую кольчугу. Среди награжденных бехтерями, ручниками, саблями, пороховницами награда Заболоцкого уникальна своим московским колоритом⁷⁴. Пан «Wlodymir» был отмечен как выдающийся москаль, своеобразный эталон москаля на королевской службе. Поток милостей Стефана Батория этим не исчерпывался. 18 августа 1576 г. В. Заболоцкий получил привилей на пожизненное владение войтовствами Малецким и Жобаковским (Кобаковским) в Блуденской волости Кобринского замка, потеснив О.Б. Воловича. Волович медлил с выполнением указаний, и 13 декабря 1576 г. король просил его поторопиться⁷⁵.

На Торунском сейме вновь обсуждался вопрос о правах на Ляховичи. Заболоцкий, чувствуя себя гораздо увереннее под рукой Стефана Батория, вновь поднял вопрос о денежной компенсации за старость. Я.И. Ходкевич мог считаться к тому времени потерпевшим не меньше Заболоцкого. Воевода виленский не получил жмудские Ботоки, которые оставались во владении кн. В. Збаражского. Король, не имея денег в казне, чтобы выкупить Ботоки у Збаражского для Ходкевича, разрешил самому Ходкевичу выкупить это имение за 2 тыс. коп грошей у князя и записать себе эту сумму, чтобы компенсировать ее из доходов имения. Эти 2 тыс. и весь долг Заболоцкому разрешено было выплатить со Свислцкого имения, которое так и не перешло в казну и тем проще было возвращено Я.И. Ходкевичу в компенсацию его убытков⁷⁶. Этим решением распутался узел противоречий между королем и магнатами и был заложен еще один камень вражды в отношения Заболоцкого с Ходкевичами и Радзивиллами. Перед Полоцким

походом Ходкевич завещал «замок и место Ляховичи з волостью и з фольварками у воеводстве Новьгородском лежащее» своей жене К. Зборовской⁷⁷. Спустя 6 лет после смерти Ходкевича староство Ляховицкое перешло к маршалку земскому Великому княжества Литовского М.-К. Радзивиллу⁷⁸.

Урядник лепесовецкий мог ошибаться, когда в первой половине декабря заявил в суде, что требует отложить вызов против его пана, поскольку Заболоцкий «есть при его королевское милости на сейме валном»⁷⁹. Торуньский сейм закончился 29 ноября, но сразу после сеймовых «причин» у Заболоцкого появилось новое законное основание для судебной неприкосновенности: вместе с королем он отправился в Гданьскую экспедицию. В августе и сентябре 1576 г. Заболоцкий возглавлял отряд в 25 человек в числе королевских венгров, на который получил на королевском дворе по 6 венгерских злотых на человека за месяц, и в сумме – 383 венгерских злотых 10 грошей⁸⁰. Видимо, это было ядро его роты в Гданьском походе.

Пруссия открыла для Заболоцкого новые перспективы. В привилее от 27 февраля 1577 г. подробно описывался и служебный подвиг Владимира. Когда под Тчовом немцы подступили к королевскому лагерю, Заболоцкий со своим отрядом бросился в атаку, был ранен, но продолжал сражаться⁸¹. Его подвиг отражен в «Польской хронике» И. Бельского⁸². Позднее король отдавал должное москвиту, признав в нем характер «не человека, а быка или льва»⁸³. За свои подвиги под Гданьском Заболоцкий был награжден именем и сосредоточил в своих руках всю волость Блуденскую⁸⁴. В феврале 1577 г. Заболоцкий стал крупнейшим москвитом-землевладельцем в Речи Посполитой, видимо, за всю ее историю⁸⁵. Это был шаг к богатству и славе и одновременно очередной вызов литовской раде и прежде всего владельцу Кобринского замка литовскому подканцлеру О.Б. Воловичу. Тот открыто выступил против участия литвинов в Гданьской экспедиции, призывал короля усилить гарнизоны ливонских крепостей и границы с Россией⁸⁶. Король, конечно, незамедлительно компенсировал подканцлеру ущерб⁸⁷.

Королевская милость распространялась и на людей Заболоцкого. В Литовскую метрику был занесен акт о награждении его служебника М. Петровского, согласно которому король велел подыскать для шляхтича 10 влок «людми оселых» в Великом княжестве Литовском⁸⁸. Весной 1577 г. Заболоцкий решил продать часть своего волинского имения. 6 апреля в Дубно в присутствии каштеляна виленского Я.И. Ходкевича и воеводы киевского кн. К.К. Острожского была заключена сделка между ним и Язловецкими о продаже Лепесовки за 800 коп грошей. Себе, жене и потомкам Владимир Семенович оставлял лишь Радошовку и накопленные в амбарах Лепесовки хлебные запасы⁸⁹. Сохранилась дарственная запись Заболоцкого Г. Крушинской на Радошовку. В обрывке акта упоминаются продажа Лепесовки – сделка 6 апреля 1577 г., и приведен «лист дарованныи» Заболоцкого на Радошовку – акт сделки 23 апреля 1577 г. Имение перешло к новым владельцам. В октябре 1579 г. мировой сделкой закончилась борьба за Радошовку между Петром Крушинским и новым мужем Ганны П. Леским⁹⁰.

Лаский сохранял свои позиции на Волини, несмотря на одержанную Заболоцким победу в борьбе за Лепесовку и Радошовку. Своей победой Владимиру не пришлось воспользоваться, и он без промедления конвертировал в деньги ее плоды. Главный результат для сирадского воеводы заключался в том, что его могущественный противник ретировался. Это была Пиррова победа Заболоцкого. Устранив напряженность в своих давнишних интересах, он более деятельно вмешался в дела Великого княжества Литовского, где еще более могущественные, чем Лаский, Радзивиллы не терпели чужаков, тем более пользующихся поддержкой короля, избранного «братьями поляками».

В числе королевских венгров Владимир Москвит («Wlodimae Moschovita») вновь получил 12 февраля 1579 г. жалованье на 26 конников. Кроме него, помимо венгров, получили вознаграждение за службу еще двое москвитов – «Agis Moschovita» и «Brectiar Moschus», в которых нетрудно узнать А.В. Сарыхозина и

О. Бахтияра Измайлова⁹¹. Книга Литовской метрики № 64, в которой собраны привилеи кануна Полоцкого похода и лета–осени 1579 г., содержит акты о награждении новыми земельными наделами этих трех гвардейцев – Заболоцкого, Сарыхозина и Бахтияра Измайлова.

Иван IV в своем послании Стефану Баторию в конце июня 1581 г. назвал Заболоцкого вторым после кн. А.М. Курбского изменником, пришедшим с королем в июле–августе 1579 г. под Полоцк. Письмо Стефана Батория Ивану IV от 2 августа 1581 г. подтверждает, что «Włodzimir» воевал под Полоцком, но, по сравнению с царским посланием, сглаживает его роль в завоеваниях короля⁹². За военные успехи 17 октября 1579 г. Заболоцкий получил трабское имение Глебовичей, тогда как жене Я.Я. Глебовича и ее сыну Адаму Гайко король обязался полностью выплатить из казны записанную им на имении сумму⁹³. Тогда же Кристина Зборовская, жена Я.И. Ходкевича, получила предписание передать другому королевскому гвардейцу Г. Бекешу Бирштаны и Бирштанское лесничество⁹⁴. Эти распоряжения относились к одному комплексу мер – насаждению ставленников короля на старостинские должности в Великом княжестве Литовском, что, в свою очередь, вело к ограничению прав литовских магнатов. После смерти Заболоцкого эти владения король удержал, не допустив на них литвинов, и передал близким Заболоцкому полоцким воеводам.

Менее чем за месяц до своей гибели державца трабский В.С. Заболоцкий приобрел право «пожиток лепшии учинити, местечко на воли осадити и там торги постановити» в имении Деревная. Став основателем городка в своем земском имении, Заболоцкий достиг последнего в своей жизни имущественного пика⁹⁵.

Сохранился ряд уникальных источников о последних двух днях жизни Заболоцкого. Поводом для вооруженного столкновения, разыгравшегося в апреле 1580 г. в Вильне, послужила словесная перепалка Заболоцкого с каштеляном троцким. Служебник Заболоцкого Ф.М. Евлашевский посвятил виленской бойне и ее последствиям 5 или 6 листов своего дневника. Однако в следственном деле Евлашевский не фигурирует. По всей видимости, он собирал информацию уже *post factum*. Показания свидетелей и участников конфликта были записаны в книге Виленского гродского суда, от которой до нас дошел лишь отрывок или черновой набросок⁹⁶. Ценные сведения о реакции короля, находившегося в то время в Вильне, содержит краткая записка, отправленная им Радзивиллу после смерти москвитя. Акты Литовской метрики отразили обстоятельства судебной борьбы вокруг имений Заболоцкого. Не прошли мимо этих событий и московские послы, старавшиеся выяснить подробности столкновения для своего статейного списка.

23 апреля 1580 г., в Вильне во время выезда короля с придворными в город произошла размолвка москвитина с гетманом великим Криштофом Радзивиллом–Перуном. Началось все с того, что Заболоцкий не снял перед могущественным придворным шляпы. Радзивилл бросил своему оскорбителю: «Изменник!», на что услышал ответ: «Ты сам такой!». Когда Криштоф рассказал о случившемся отцу, канцлеру М.Ю. Радзивиллу, тот призвал сына к мести⁹⁷. Нежелание приветствовать высокое государственное лицо снятием шляпы было для придворного мира Речи Посполитой грубым нарушением этикета. Конечно, подобное нарушение иногда сглаживалось, особенно в кругу знающих друг друга лиц. Евлашевский оправдывает Заболоцкого именно так, ссылаясь на его рассеянность.

Стимулом для трагической развязки перебранки Радзивилла с Заболоцким явилось слово «изменник». Это была болезненная тема не только для воеводы виленского и каштеляна троцкого, но в еще большей мере для москвитя-перебежчика. В московских «наказных памятях» и «статейных списках» этого времени Заболоцкий фигурирует вторым в ряду с «изменниками» А.М. Курбским и Т.И. Тетериным-Пуховым. При этом в политической жизни 1576–1580 г. Заболоцкий, в отличие от Курбского, принимал участие и был на виду. Уличения в измене Курбского, Заболоцкого, Тетерина, Вельского и др. в письмах царя и речах его посланников зачитывались, произносились

вслух, обсуждались королевским окружением, шляхтой. После войны за Глукц с Ласким на Заболоцкого была наложена баниция, в литовской раде о нем говорили как об изменнике, а в 1579 г. он даже прервал посольскую церемонию, бросившись доказывать московским послам, что изменником не является.

На стороне Радзивиллов собрались их сторонники – ротмистры и «большое число солдат». Всю ночь с 23 на 24 апреля разрабатывался план действий, шпионы доносили о действиях Заболоцкого и предлагали напасть на него в его постоялом дворе, принадлежавшем виленскому судье Яну Полгрошку. Однако сценарий тайной мести Радзивиллов не устраивал. Владимир в то же время пытался договориться с панами радами о мировой сделке, однако был уже вечер, и ему посоветовали отложить дело до утра. Утром 24 апреля 1580 г. Заболоцкий собирался на службу в Пречистенскую церковь. Он направился на богослужение в окружении своих слуг и сослуживцев. Зная о планах москвитов, К. Радзивилл отправился по улице от Завелейских ворот к церкви Святого Духа. По дороге к нему присоединились королевские дворяне А. Потылицкий и М. Нарушевич. Там уже ждали его пешие служебники. В то же время конники стояли наготове на улице перед монастырем: всего несколько сот вооруженных людей.

Согласно Евлашевскому, когда ротмистр-москвит вышел на улицу, заговорщики направились к нему сразу с трех сторон – от городских ворот, по улице от церкви и сзади из калитки. Первым его настиг С. Горецкий-Яхимович, «служебник» М.Ю. Радзивилла⁹⁸. Нападавшие воспользовались фактором неожиданности, оттеснили слуг Заболоцкого У.В. Сарыхозина, В.З. Жохова и В.И. Бунака, ранили и избili оставшихся при нем москвита Путило и литвинов М. и В. Славинских. Попытка окруженных прорваться в дом литовского кухмистра С. Шемета не удалась, Владимир был ранен выстрелом из мушкета, после чего к нему подъехал К. Радзивилл и проговорил: «Ну вот видишь, изменник, теперь мы квиты». На это прозвучал ответ: «Милостивый пане троцкий, что я говорил, то все лгал, не вели меня убивать, ради Бога!». Перед тем, как удалиться, Радзивилл приказал слугам не добивать раненого, но подоспевший откуда-то Горецкий то ли не знал приказа, то ли получил другой. По Евлашевскому, Себастьян добил противника, пронзив его палашом «под права персь»⁹⁹. На глазах толпы унесли тяжелораненого Заболоцкого. Через 2 часа он умер.

На следующий день в Виленском гродском суде началось расследование. Были опрошены посторонние свидетели, затем сторона потерпевшего и, наконец, свидетели Радзивилла. Королевскому дворянину У. Сарыхозину было предложено выступить в роли королевского прокурора (инстигатора), но он, видимо, понимая, с кем ему предстоит иметь дело, отказался. Роль ответчика должен был занять, конечно, каштелян Троцкий М.-К. Радзивилл. Однако в показаниях свидетелей со стороны Заболоцкого заметна тенденция оправдать магната и списать трагический исход бойни на его служебника. Такой расклад показаний не отвечал обстоятельствам дела и тому обороту, который оно приняло благодаря королю.

С. Горецкий-Яхимович, начавший стычку и нанеший Владимиру роковой удар, понес, видимо, умеренное наказание. Его имя позднее встречается в гродских актовых книгах Виленского повета. Стефан Баторий в совершении убийства заочно обвинил Радзивилла. 25 апреля представители каштеляна троцкого писарь земский менский С. Гладкий и королевский секретарь И. Пельгжимовский явились в суд. По их словам, Заболоцкий при короле нанес оскорбление всему роду Радзивиллов в лице каштеляна троцкого¹⁰⁰. В сохранившемся послании Стефана Батория К. Радзивиллу помимо обвинения Радзивилла в убийстве королевского шамбелана, содержится панегирик-эпитафия Заболоцкому¹⁰¹. Видимо, этой эпитафией (не считая слов обращения короля к К. Радзивиллу) должно было быть украшено надгробие Заболоцкого. Король подчеркивал, что Заболоцкий – шляхтич. Обоснование того, что убит москвит «по рождению», но шляхтич по правам и заслугам, придало делу ту остроту, которую подчеркнул Стефан Баторий, лишая К. Радзивилла и его служебников возможного судебного

оправдания¹⁰². Впрочем, после Великолуцкого и Псковского походов от королевской немилости к гетману не осталось и следа.

Можно предположить, что с убийством Заболоцкого связан громкий процесс по делу о государственной измене родственника Радзивилла, Г.Ю. Остика. О его казни Евлашевский сообщает сразу после рассказа об убийстве Заболоцкого, хотя и не говорит о том, насколько эти 2 события взаимосвязаны¹⁰³. Остики приходились дальними родственниками Радзивиллам. В устных беседах с царским посланником Л. Новосильцевым, записанных им и отправленных в Москву 21 февраля 1576 г., Григорий Остик предлагал Ивану Грозному помощь его сторонников в Литве в обмен на Бельск и Ковель кн. А.М. Курбского, а также должность гетмана дворного, на то время занятую сыном воеводы виленского К. Радзивиллом–Перуном¹⁰⁴. Этот сепаратный проект Остиков был нацелен против литовского канцлера и его сына, однако уже в марте 1576 г. Г.Ю. Остик и М.Ю. Радзивилл совместно обратились к царю, предложив ему условия вступления на литовский трон. Раскрыться эти планы могли уже в феврале–марте 1576 г., что и привело к замирению между Остиками и Радзивиллами¹⁰⁵. А 4 года спустя «измена» Остика неожиданно получила широкую огласку. В июне 1580 г. его слуга уличил своего пана в тайных переговорах с посланником царя Григорием Нашокиным. Остик, некогда покусившийся на пост К. Радзивилла, был разоблачен отцом провинившегося гетмана¹⁰⁶.

Смерть Заболоцкого повлекла за собой раздел его имений. Незадолго до виленской бойни на королевскую службу перешел полоцкий пленник кн. В.И. Телятевский, женатый на сестре Заболоцкого Авдотье. Вскоре после смерти Заболоцкого, 10 мая 1580 г., король подписал Телятевскому привилей на часть имений убитого. Другие части имений Заболоцкого в тот же день были переданы Л.Т. Третьякову-Ракову, П.И. Волинскому, М.И. Ржевскому. Огромными фольварками Блудно в Кобринской державе и Деревная в Слонимском повете завладел урядник королевской коморы, староста ланцкоронский Франциск Веселинский, который, как и Заболоцкий, служил Стефану Баторию еще в Трансильвании. Державу Биштанскую с дворами Биштаны и Прены, местечками и селами, а также лесничество Биштанское король передал в держание своим венгерским ротмистрам братьям Каспару и Габриэлю Бекешам «с Корняту». Таким образом, король целенаправленно распределял землю Заболоцкого между его соотечественниками и своими венгерскими слугами.

В.С. Заболоцкий обзавелся в Речи Посполитой служебниками, урядниками, поверенными, боярами, подданными и челядью. В его свите было немало перебежчиков из России. Едва ли не первым его служебником в источниках выступает урядник Слонимского имения, а затем лепесовецкий Иван по прозвищу Грешный, возможно, москвитин¹⁰⁷. В 1563–1564 гг. Заболоцкий возглавлял роту преимущественно москвитов, которая путешествовала вместе с ним между Трансильванией и Великим княжеством Литовским. В 1567 г. интересы Заболоцкого в Кременецком городском суде защищал москвит П.В. Остафьев-Вороновецкий, в будущем служебник и юрист кн. А.М. Курбского. По сообщению статейного списка 1571 г., во время осады Заболоцким Глущка из ручницы был ранен в руку его служебник Е.В. Бутурлин. К концу XVI в. он вернулся в Россию¹⁰⁸. Урядником ляховицким был сын боярский М. Зверев, о московском происхождении которого знал Ф.М. Евлашевский. Мемуарист вспоминает какое-то предсмертное преступление Михаила, совершенное вскоре после смерти его пана. Он был повешен осенью 1580 г. во время похода отряда Ф. Кмиты на Смоленск, возможно, по подозрению в измене в пользу царя Ивана. В момент нападения отряда Радзивилла Владимира сопровождали слуги и друзья – жмудский держатель В.З. Жохов, кременецкий землевладелец В.И. Бунак, Путило (возможно, слонимский слуга). Известен слонимский «боярин» москвитин Игнатий, владевший землями в имении Заболоцкого. Известны также литвины и поляки в его окружении – это урядник Лепесовки Ф. Гладкий, герой Гданьской войны М. Петровский, судебный поверенный М. Зенкович, виленские шляхтичи М. и В. Славинские, холопец Криштоф и др. Еще

один служебник В.С. Заболоцкого – талантливый писатель новгородский шляхтич Ф.М. Евлашевский, сын ляховицкого православного священника Михаила Левоновича и Федоры Околовны Никифорович¹⁰⁹.

О друзьях В.С. Заболоцкого судить труднее, чем о слугах. Видимо, к их числу можно отнести Сарыхозиных. С Агишем его объединяла служба в королевской гвардии Стефана Батория. Агиш и Умар Сарыхозины, а также Т.И. Тетерин прославились в Изборской аванюре 1569 г. и, вероятно, какое-то время составляли один круг москвитов, связанный с Курбским и Заболоцким. Близость волынских имений и совместная служба в королевской гвардии Стефана Батория могла сблизить Владимира Заболоцкого с москвитом Остафием Бахтияром Измайловым.

Какими были отношения Заболоцкого с Курбским? Вряд ли служебными. Неравенство между ними осталось в московском прошлом. Можно предположить, что между ними присутствовали дружба и конкуренция за влияние при дворе. Они оба были старостами, т.е. занимали высшие из доступных москвитам государственные должности в Короне и Литве. Оба – королевские дворяне, выражавшие свою преданность Короне, помимо прочего, использованием польского и латыни на письме. При этом Заболоцкий, как и Курбский в подписи «Andrej Kurpski», выразительно полонизирует свою фамилию «Włodymierz Zabłoczky». Оба с энтузиазмом восприняли идею лиги христианских государств против Турции и почти одновременно, хотя, вероятно, порознь, вели переговоры об этом с аббатом Циром. Оба нашли опекуна и друга в лице киевского воеводы кн. К.К. Острожского. Следует, однако, отметить, что противники Заболоцкого кн. Ю.Ю. Слуцкий и Я.И. Ходкевич были в хороших отношениях с Курбским.

Многообразные свидетельства позволяют по крупицам восстановить европейский жизненный опыт знатного москвиты, увидеть в его карьерном досье продвижение к той социальной вершине, которая была достижима для перебежчика-москвиты. В деятельности В.С. Заболоцкого сочетаются решительность и авантюризм, планомерное накопление королевских старост и умение воспользоваться благоприятным стечением обстоятельств. Размер его владений в правление Стефана Батория достигает и даже превышает крупнейшие имения москвитов на королевской службе. Несмотря на боевую харизму кн. А.М. Курбского, В.С. Заболоцкого можно считать наиболее успешным ротмистром из российских эмигрантов своего времени, что по достоинству оценили все 3 короля, в правление которых он бывал в Речи Посполитой. И вместе с тем в его образе, сложившемся в восприятии польско-литовской знати, соединены те представления о «москвите» времен Ливонской войны, которые сказались на его интеграции в польско-литовское общество и прямо или косвенно привели его жизнь к трагической развязке.

Примечания

¹ Зимин А.А. Состав Боярской думы в XV–XVI веках // Археографический ежегодник (далее – АЕ) за 1957 год. М., 1958. С. 48, 63; Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 383; Kleimola A.M. Patterns of Duma Recruitment, 1505–1550 // Essays in Honor of A.A. Zimin. Columbus; Ohio, 1985. P. 251, 252; Кузьмин А.В. Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV – первой трети XV в. // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 11. М., 2004. С. 703–718.

² Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 76, 138.

³ Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 41; Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. Ч. 1. М., 1978. С. 90.

⁴ РГАДА, ф. 78 (Сношения России с римскими папами), оп. 1, кн. 1, л. 276 об.

⁵ Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... (Бархатная книга). Ч. 2. М., 1787. С. 45; Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А.В. Антонов. М., 2011. С. 107–108.

⁶ Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 383–384; Prince A.M. Kurbsky's History of Ivan IV / Ed. with a transl. and notes by J.L.I. Fennel. Cambridge, 1965. P. 220. См. также: *Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского: Исследование книжной культуры. Т. 2. М., 2009. С. 217 (л. 99 об.).

⁷ Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни: Акты, изданные временною комиссиею, высочайше учрежденною при киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе. Т. 2. Киев, 1849. С. 243. Примеч. 37.

⁸ *Скрынников Р.Г.* Начало опричнины. Л., 1966. С. 170.

⁹ Тысячная книга... С. 138.

¹⁰ Государственный архив... Ч. 3. М., 1978. С. 484–485.

¹¹ *Зимин А.А.* Опричнина. М., 2001. С. 83.

¹² *Свяжынскі У.М.* Гістарычныя запіскі Ф. Еўлашоўскага. Мінск, 1990. С. 106.

¹³ Biblioteka XX Czartoryskich w Krakowie (далее – BCz), rkps 1662, s. 412 (карандашная пагинация).

¹⁴ Акты издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею (далее – АВАК). Т. 22.; Вильна, 1895. С. 26–27, 70–71.

¹⁵ РГАДА, ф. 389 (Литовская метрика), оп. 1 (далее – ЛМ), д. 73, л. 343–343 об.; то же: ЛМ-74, л. 224–224 об.

¹⁶ BCz, tn, rkps 72, s. 289; rkps 2463, s. 240.

¹⁷ BCz, tn, rkps 72, s. 319; rkps 2463, s. 242.

¹⁸ Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (далее – AGAD). Archiwum Skarbu Koronnego. Dz. I. Rachunki Królewskie. Sygn. 187. K. 30, 34, 91v. Датировка первых двух записей согласуется с соседними записями в деле, относящимися к 1563 г. (см.: Ibid. K. 3–4, 6, 9, 11, 14, 16, 19, 24, 34v и след.).

¹⁹ ЛМ-73, л. 343–343 об.; то же: ЛМ-74, л. 224–224 об.

²⁰ ЛМ-37, л. 329, 587 об.–588; Центральний державний історичний архів України у м. Києві (далее – ЦДІАУК), ф. 21 (Кременецкий градский суд), оп. 1, спр. 9, арк. 116 зв.–117 зв.

²¹ *Свяжынскі У.М.* Указ. соч. С. 93.

²² ЛМ-54, л. 59–59 об.

²³ ЛМ-267, л. 228–229 об.; ЛМ-266, л. 89 об.–91.

²⁴ ЦДІАУК, ф. 1 (Скарб коронний), оп. 1, спр. 2, арк. 334–359 зв., здесь л. 345 об.

²⁵ Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского... Т. 2. С. 247–248, 250, 252–254.

²⁶ *Соболев Л.В.* Князь К.-В. Острожский как лидер «русского народа» Речи Посполитой. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 115–116.

²⁷ Там же. С. 250.

²⁸ AGAD. ASK. Dz. II. Rachunki Sejmowe. Sygn. 22. K. 68v–70v.

²⁹ ЛМ-47, л. 104–105; ЛМ-265, л. 68 об.–69 об.; ЛМ-266, л. 75 об.–76; ЛМ-268, л. 28–240 об.

³⁰ ЛМ-266, л. 94.

³¹ ЛМ-265, л. 94 об.–95, 189–189 об.

³² Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie. Т. 7. Lwów, 1910. S. 156–157; *Янушкевич А.* Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. Мінск, 2007. С. 189.

³³ Archiwum książąt... Т. 7. S. 166–167, 169–170, 172–176.

³⁴ *Bodniak S.* Z wyprawy radoszkowickiej na Moskwę w roku 1567/68 // Ateneum Wileńskie. 1930. R. 7. Z. 3–4. S. 805–806; *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003. С. 485. Бодняк видит во Владимире князя Владимира Андреевича Старицкого. Это предположение, высказанное, впрочем, в очень осторожной форме, невероятно. А.Л. Хорошкевич вслед за Бодняком упоминает Владимира, никак его не идентифицируя. На мой взгляд, московит-ротмистр с таким именем в польско-литовском войске 1560-х гг. не может быть кем-то иным, кроме В.С. Заболоцкого.

³⁵ ЛМ-58, л. 58 об.

³⁶ ЛМ-265, л. 107 об.–108 об.

³⁷ Lietuvos metrika. Knyga Nr. 531 (1567–1569). Viešųjų reikalų knyga 9. Vilnius, 2001. С. 43, 45; *Янушкевич А.* Указ. соч. С. 262–265.

³⁸ ЦДІАУК, ф. 21, оп. 1, спр. 11, арк. 120–120 зв.; 120–120 зв.; арк. 134 зв.–135 зв. Данное мне дело было недоступно. Пользуюсь внутренней описью и конспектами И. Тесленко.

³⁹ ЛМ-50, л. 175 об.–176; то же: ЛМ-266, л. 246 об.–247.

⁴⁰ ЛМ-266, л. 291–291 об.

⁴¹ ЛМ-265, л. 182–183.

⁴² Jaroszewicz J. *Obraz Liwty pod względem jej cywilizacji*. T. 2. Wilna, 1844. S. 186–189; Auerbach I. *Andrej Michajlovič Kurbskij: Leben in osteuropäischen Adelsgesellschaften des 16. Jahrhunderts*. München, 1985. S. 132. Anm. 127.

⁴³ ЛМ-73, л. 341 об.–343 (здесь ошибка в пагинации); то же: ЛМ-74, л. 224.

⁴⁴ ЛМ-48, л. 356 об.–358; ЛМ-52, л. 127–128; AGAD. ASK. Dz. I. *Księgi poborowe*. Sygn. 64. K. 127.

⁴⁵ BCz, tn, rkps 79, s. 549–552; rkps 2463, t. II, s. 247.

⁴⁶ Lietuvos metrika. Knyga Nr. 532 (1569–1571). *Viešųjų reikalų knyga 10*. Vilnius, 2001. P. 82–83; AGAD. Zb. dok. perg. Sygn. 8745. S. 1.

⁴⁷ ЛМ-54, л. 63–73 об.; ЛМ-57, л. 15 об.–18 об.; ЛМ-63, л. 142–143 об. См. также: Ланно И.И. *Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569–1586). Опыт исследования политического и общественного строя*. Т. 1. СПб., 1901. С. 272.

⁴⁸ Lietuvos metrika. Knyga Nr. 532. P. 82–83, 85; Янушкевич А. Указ. соч. С. 189.

⁴⁹ Лурье Я.С. *Донесения агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А.М. Курбским в 1569 году: (По материалам Венского архива) // АЕ за 1957 год*. С. 456–457; *Акты Западной России*. Т. 3. СПб., 1848. С. 151.

⁵⁰ Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – СИРИО). Т. 71. СПб., 1892. С. 806.

⁵¹ Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского... Т. 2. С. 256.

⁵² ЦДІАУК, ф. 21, оп. 1, спр. 13, арк. 1–1 зв. (обрывок акта).

⁵³ ЛМ-49, л. 73 об.–76.

⁵⁴ ЛМ-266, л. 379 об.–381.

⁵⁵ ЛМ-5, л. 24 об.–25 об.

⁵⁶ ЛМ-265, л. 306 об.–307 об.; ЛМ-266, л. 421–421 об.

⁵⁷ ЛМ-58, л. 58 об.

⁵⁸ СИРИО. Т. 71. С. 807.

⁵⁹ AGAD. AR. Dz. V. Sygn. 2044. S. 65–67.

⁶⁰ Jerusalmiski K. *Rosyjska emigracja w Rzeczypospolitej w drugiej połowie XVI w.: nowe problemy, źródła, interpretacje // Канструкция і дэканструкция Вялікага княства Літоўскага: Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, Гродна, 23–25 красавіка 2004 г.* Мінск, 2007. С. 155–157.

⁶¹ ЛМ-58, л. 58 об.; то же: ЛМ-63, л. 142–143 об.

⁶² Strykowski M. *Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi*. T.2. Warszawa, 1846. S. 451; *Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв.* Т. 7. *Посольская книга по связям России с Польшей (1575–1576)*. М., 2004. С. 27.

⁶³ Ланно И.И. *Великое княжество Литовское*... Т. 1. С. 272.

⁶⁴ Свяжынскі В.М. Указ. соч. С. 96.

⁶⁵ AGAD. Zespół (Zbiór dokumentów pergaminowych). Sygn. 8745. K. 1–1v; ЛМ-57, л. 15 об.–18 об. Благодарю А.В. Казакова, обратившего мое внимание на оригинал из Архива древних актов в Варшаве. См. также: ЛМ-63, л. 142 об.

⁶⁶ Biblioteka PAN, rkps 355, s. 69. Письмо написано в Вильне 5 мая, вероятно, 1576 г. Однако эта датировка нуждается в дополнительном обосновании. См. также: Grala H. «Ex Moschouia ortum habent». Uwagi o sfragistyce i heraldyce uchodźców moskieskich // *Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. Nowej Serii*. T. 4(15). Warszawa, 1999. S. 106. *Прзyp 28*. Работу с текстом письма облегчил Л.В. Соболев, за что выражаю коллеге глубокую благодарность.

⁶⁷ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. 4. Вильна, 1867. С. 23–24.

⁶⁸ ЦДІАУК, ф. 21, оп. 1, спр. 19, арк. 55 зв.–56, 66–66 зв., 88–89 зв., 90 зв.–91, 104 зв., 115, 148–148 зв.

⁶⁹ Там же, ф. 22, оп. 1, спр. 5, арк. 34 зв.; спр. 7, арк. 114 зв.

⁷⁰ Там же, ф. 21, оп. 1, спр. 19, арк. 56–57, 66–66 зв.

⁷¹ Там же, арк. 86; *Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского*... Т. 2. С. 259–262.

⁷² ЛМ-194, л. 88–91 об. (29 августа 1576 г.); ЦДІАУК, ф. 21, оп. 1, спр. 19, арк. 116, 136–136 зв., 143–143 зв., 150.

⁷³ ЛМ-58, л. 14–14 об.

⁷⁴ AGAD. ASK. Dz. III. *Rachunki nadworne*. Sygn. 3. K. 30–41v, здесь л. 31 об.

⁷⁵ ЛМ-58, л. 58–59 об., 111 об.–113 об., 139–139 об.; ЛМ-63, л. 116–116 об.

- ⁷⁶ ЛМ-63, л. 142–143 об.
- ⁷⁷ ЛМ-64, л. 22 об.–26.
- ⁷⁸ ЛМ-275, л. 417 об.–420.
- ⁷⁹ ЦДІАУК, ф. 21, оп. 1, спр. 19, арк. 150.
- ⁸⁰ *Rationes curiae Stephani Báthory regis Poloniae. Historiam Hungariae et Transylvaniae illustrantes* (1576–1586). Budapest, 1918. P. 21.
- ⁸¹ ЛМ-58, л. 231–232; то же: ЛМ-63, л. 151–152.
- ⁸² *Bielski M. Kronika Polska. Sanok, 1856. S. 1399–1400.*
- ⁸³ BCz, rkps 1662, s. 412 (с. 406 первоначальной пагинации).
- ⁸⁴ ЛМ-58, л. 231–232; то же: ЛМ-63, л. 151–152; ЛМ-73, л. 339 об.–340; то же: ЛМ-74, л. 222–222 об.
- ⁸⁵ Ковельские и упитские владения кн. А.М. Курбского были в сумме почти в 2 раза меньше одного блуденского имения В.С. Заболоцкого. Легенда о сказочном земельном наделе в 700 вл., полученном Д.И. Бельским в 1581 г., была, по всей видимости, дипломатической уловкой, которой воспользовались Стефан Баторий и его окружение, чтобы оказать давление на московское посольство (*Ерусалимский К.Ю.* Ливонская война и московские эмигранты в Речи Посполитой // Отечественная история. 2006. № 3. С. 79).
- ⁸⁶ AGAD. AR. Dz. V. Sygn. 17959. 8. 171–174, особенно с. 172.
- ⁸⁷ ЛМ-63, л. 162–167; ЛМ-58, л. 158 об.–163 об.
- ⁸⁸ ЛМ-61, л. 74.
- ⁸⁹ ЛМ-216, л. 102–102 об., 102 об.–104 об.; ЦДІАУК, ф. 21, оп. 1, спр. 19, арк. 18–18 зв.; спр. 21, арк. 6; Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского... Т. 2. С. 262–267.
- ⁹⁰ ЦДІАУК, ф. 22, оп. 1, спр. 5, арк. 34–35 зв.; спр. 7, арк. 107 зв.–108 зв.; ЛМ-216, л. 161 об.–162; ЛМ-58, л. 58–59 об.; *Собчук В.Д.* Украинская шляхта русского происхождения на юге Волыни во второй половине XVI – первой половине XVII вв. // Историческая генеалогия. Вып. 4. Екатеринбург; Париж, 1994. С. 67–70.
- ⁹¹ *Rationes Curiae Stephani Bathory...* P. 81–82.
- ⁹² Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главным образом к заключению Запольского мира (1581–1582 г.). СПб., 1867. С. 259, 320.
- ⁹³ ЛМ-64, л. 258.
- ⁹⁴ Там же, л. 258, 290–291 об.
- ⁹⁵ Там же, л. 253–253 об.
- ⁹⁶ BCz, rkps 2242, s. 387–394.
- ⁹⁷ *Свяжынскі У.М.* Указ. соч. С. 103; BCz, rkps 2242, s. 392.
- ⁹⁸ BCz, rkps 2242, s. 388. Высказанное мною ранее мнение о том, что в убийстве принимал участие князь Ю.Б. Корецкий, ошибочно (*Ерусалимский К.Ю.* Ливонская война... С. 76; *Свяжынскі У.М.* Указ. соч. С. 104).
- ⁹⁹ BCz, rkps 2242, s. 389–390, 393; *Свяжынскі У.М.* Указ. соч. С. 104.
- ¹⁰⁰ РГАДА, ф. 79 (Сношения России с Польшей), оп. 1, кн. 11, л. 347, 393; *Яковенко Н.М.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993. С. 285.
- ¹⁰¹ BCz, rkps 1662, s. 412 (карандашная пагинация).
- ¹⁰² Благодарю за консультацию М. Яницкого.
- ¹⁰³ *Свяжынскі У.М.* Указ. соч. С. 106.
- ¹⁰⁴ Памятники истории Восточной Европы... Т. 7. С. 104.
- ¹⁰⁵ *Floria B. Magnateria litewska a Rosja w czasie drugiego bezkrólewia // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. T. 22. Warszawa, 1977. S. 154–157.*
- ¹⁰⁶ *Ferenc M. Mikołaj Radziwiłł «Rudy» (ok. 1515–1584): Działalność polityczna i wojskowa. Kraków, 2008. S. 593–594.*
- ¹⁰⁷ АВАК. Т. 22. С. 26–27; Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского... Т. 2. С. 245–246.
- ¹⁰⁸ СИРИО. Т. 71. С. 807; ОР РГБ, ф. 256 (Собрание Н.П. Румянцева). № 349, л. 200 об. (сообщено А.В. Кузьминым). Интересно, что в боярско-дворянском мартирологе «Истории» Курбский говорит о гибели Бутурлиных в террор Ивана IV сразу после сообщений о гонениях на Заболоцких (*Ерусалимский К.Ю.* Сборник Курбского... Т. 2. Л. 99 об.). А в синодике опальных погибшими по делу Владимира Старицкого числятся подряд Богдан Заболоцкий и Стефан Бутурлин (*Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 535).
- ¹⁰⁹ ЛМ-38, л. 316–317 об.; ЛМ-52, л. 127; ЛМ-263, л. 138; ЛМ-265, л. 182 об. и др.